

Среда, 10 февраля 1993 года

«Вечерний Москва»

103 года назад родился Борис Пастернак

В ДОМЕ,
ОБИТАЕМОМ
ПОЭЗИЕЙ

ХОРОШИМ советам стоит следовать. Весь вопрос в том, где найти хорошего советчика. Что бы не искать чересчур долго, мы решили воспользоваться советом Гёте: «Кто хочет понять поэта, должен отправиться в его страну».

Без этого дома в Переделкине трудно сегодня представить себе культуру страны. В нем творил и умер наш гениальный соотечественник, великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Борис Пастернак.

История не стала дожидаться нас в специально отведенном для нее мемориальном месте. Она повстречалась нам на заснеженной улице писательского поселка в образе плотного человека в черном миллийском тулупе с овчаркой на поводке. Я спросил у него, как добраться до пастернаковской дачи, и он указал дорогу. И только когда машина тронулась, я узнал его. Это был В. Солоухин, деятельный участник печально знаменитых заседаний, на которых «инженеры человеческих душ» изгоняли в 1958 году Пастернака из Союза писателей. Не знаю, что сейчас думает Солоухин на этот счет, но маршрут он указал верный: по его подсказке мы через пару минут добрались до места.

Дача Пастернака встретила открытыми настежь всем «новостям и истинам» воротами, ослепительным снегом и густо настоящей на сосновом духе тишиной. Вот оно, пристанище поэта в последние двадцать лет его жизни. По приезде сюда летом 1939 года Пастернак писал отцу: «Это именно то, о чем можно было мечтать всю жизнь».

Да, многим обязана русская и мировая литература этому островерхому двухэтажному дому. Анна Ахматова считала, что Переделкино спасло Пастернака как поэта: здесь он преодолел творческий кризис конца 30-х годов, вызванный крушением его искренней попытки стать тем, кем его хотели видеть, сделать интересы государства своими интересами. Здесь он написал свой «заветный от Бога» роман «Доктор Живаго» и поздние лирические шедевры, вошедшие в мировую классику XX века. Здесь к Пастернаку пришла всесветная слава. Еще при жизни писателя, несмотря на чинимые властями препятствия, дача стала местом паломничества его почитателей. Сюда со всего мира приходили письма на «крайне упрощенный», по выражению их получателя, адрес: Переделкино под Москвой, СССР, Пастернаку.

Пережив под оплошляющим воздействием трагедии крестьянства, на которое было надето ярмо колхозного крепостничества, и массовых репрессий глубокое отчуждение от сталинского режима, Пастернак ушел в добровольное затворничество, сведя к минимуму контакты с внешним миром. Однако он не сделал, как это часто случалось позже, оппозиционность своей основной профессией. Писатель не разделял типичнейшего для наших

дней заблуждения, будто нравственная неправота времени автоматически делает правыми тех, кто ее видит; бесчеловечности времени недостаточно, чтобы, не соглашаясь с ним, уже в силу этого быть человеком. Моральное неприятие сталинизма претворилось у Пастернака в более широкое понимание художнического призвания и общественных задач искусства, одиночество обернулось установлением более кровной связи со страной и народом.

Чем глубже становился конфликт Пастернака с тоталитарной системой, тем острее осознавал он себя в качестве национального поэта России. Все эти мотивы тесно переплетены между собой в романе «Доктор Живаго». В этой книге писатель с гениальной простотой перевел разговор со сведения счетов с Советской властью на осмысление судеб России в XX веке. Юрий Живаго, в котором Пастернак видел нечто среднее между Есениным, Маяковским и собой, стал воплощением той жизненной и литературной позиции, на которой стоял и сам автор романа.

Без спешки и сопровождения сотрудников Дома-музея бродили мы

с фотокорреспондентом «Вечерки» по комнатам. Воистину, на них лежит отпечаток той благодати высокой духовности, которая была дарована человеку, навсегда покинувшему их тридцать три года назад. Стиль пастернаковского жилища — чрезвычайно спокойный, по-интеллигентски скромный, уравновешенностью своей преодолевающий ту бездомность и неустроенность жизненного уклада, которые после революции стали нормой для подавляющего большинства. «Все производное, налаженное, все относящееся к обиходу, человеческому гнезду и порядку, все это пошло прахом вместе с переворотом всего общества», — этими словами из «Доктора Живаго» обозначено то, чему внутренне противостоит домашний проект Пастернака.

Но не только это бросается в глаза. Для меня было откровением, как хорошо чувствует здесь большая культура, как вольготно ей здесь живется. «Культура в объятья первого желающего не падает», — писал Пастернак в «Охранной грамоте». Кстати говоря, именно поэтому столь часто оказываются пустыми и бесплодными звучащие со

всех сторон призывы к возрождению культуры: она весьма взыскательна в выборе своих родителей и возродителей. Пастернак, бесспорно, с раннего детства принадлежал к числу ее избранных и баловней.

В гостиной Дома-музея — картины отца, замечательного мастера живописи. Ему Борис Леонидович обязан своим ответственным отношением к искусству. И, конечно, как не вспомнить здесь друзей и знакомых Леонида Осиповича — ведь среди них были А. Толстой и Скрябин, В. Серов и Рильке. Связанная с матерью, Розалией Исидоровной Кауфман, даровитой пианисткой, стихия музыки, которая безраздельно владела Пастернаком в юношеские годы, затаилась за черной крышкой рояля в смежной с гостиной комнате. Другая великая страсть Пастернака, которой он сохранил верность до конца, — литература — обосновалась наверху, на втором этаже, в кабинете, за письменным столом и на книжных полках.

Не заметил я икон. Видимо, религиозное чувство Пастернака, которое на склоне лет окрасило все его мировоззрение и мироотношение, не нуждалось во внешних атрибутах. В письме к Ж. де Пруайяр писатель рассказывает о не вполне обычных обстоятельствах своего обращения в православную веру: «Я был крещен своей няней в младенчестве, но из-за ограничений, которым подвергались евреи, и к тому же в семье, которая благодаря художественным заслугам отца была от них избавлена и пользовалась определенной известностью, это вызвало определенные осложнения и оставалось всегда душевной полутайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а отнюдь не спокойной привычкой... Сильнее всего в жизни христианский образ мысли владел мною в 1910—1912 годах, когда закладывались основы моего своеобразного взгляда на вещи, мир, жизнь».

В последующем, через сорок лет, христианство вновь заняло центральное место в духовном мире Пастернака, определило идейную атмосферу его романа.

Из окна кабинета открывается замечательный вид: укрытое снежным покровом поле, за ним — церковь на холме и кладбище. На нем похоронен Борис Пастернак. Попрощаясь с приветливыми сотрудниками музея, мы поехали поклониться его могиле. Нашли мы ее не сразу, но нашли. Надгробный камень с контррельефом работы скульптора Лебедевой. Говорят, лик Пастернака живет и меняется вместе с солнечным освещением. На могиле, под обледеневшей снежной коркой, живые цветы. И вспомнилось:

Мы были музыкой во льду.
Я говорю про вас средь,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.
Здесь места нет стыду.
Я не рожден, чтоб три раза
Смотреть по-разному в глаза.

Сергей ЗЕМЛЯНОЙ.
Фото А. ГЛАГОЛЕВА.